

Артемий Арциховский, открытие берестяных грамот и Новгородская археологическая экспедиция

<http://oralhistory.ru/talks/orh-795>

🎙 24 марта 1981

Собеседник

Янин Валентин Лаврентьевич

Ведущие

Дувакин Виктор Дмитриевич, Радзишевская Марина Васильевна

Дата записи

Беседа записана 24 марта 1981 и опубликована 13 февраля 2020.

Введение

С археологом и историком Валентином Яниным была записана одна беседа. Она полностью посвящена его учителю, выдающемуся археологу Артемию Арциховскому. Валентин Лаврентьевич подробно рассказывает об афористичной речи и феноменальной памяти Артемия Владимировича. Он описывает, как Арциховский шел к открытию берестяных грамот, несмотря на общее неверие в их существование и сохранность, вспоминает 26 июля 1951 года, когда была найдена первая грамота. Кроме того, Янин много говорит об иных научных достижениях и начинаниях своего учителя, которые изменили практику современных археологических исследований.

Беседа проиллюстрирована фотографиями группы «Великий Новгород — прошлое в фотографии».

Знакомство с Артемием Арциховским

Валентин Лаврентьевич Янин: Значит, Янин, Валентин Лаврентьевич, 1929 года рождения, заведующий кафедрой археологии, принявший ее после смерти Артемия Владимировича Арциховского, член-корреспондент Академии наук, руководитель Новгородской археологической экспедиции. С историческим факультетом связан с 1946 года, когда поступил сюда, и в том же 46-м году записался для участия в Новгородской археологической экспедиции, которой руководил Артемий Владимирович. С тех пор, значит, с 47-го года, когда она после войны впервые состоялась, безотлучно работаю в Новгороде, вплоть до сегодняшнего дня. И все, что я могу вспомнить и рассказать об Артемии Владимировиче, связано с периодом, начиная с 1946 года, когда я с ним впервые познакомился.

Должен сказать, что встреча с Артемием Владимировичем уже тогда, в 46-м году, определила на будущее и круг моих интересов. Уже тогда, в 46-м, до поездки в Новгород, я твердо решил, что буду археологом, и эта мечта у меня осуществилась. Вот я с тех пор считаю себя археологом — с 46-го года.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Это счастье, когда мечты осуществляются.

В. Я.: Конечно. Да. Ну, что ж.

В. Д.: Когда вы познакомились?

В. Я.: Ну, это я сейчас все расскажу.

В. Д.: Я не буду вас перебивать.

В. Я.: Да, давайте. Я буду рассказывать все, что вот вспомнится сейчас.

Марина Васильевна Радзишевская: Извините. Пока вы не начали...

В. Я.: Да.

М. Р.: Дата вашего рождения.

В. Я.: 6 февраля 1929 года.

М. Р.: Спасибо большое.

В. Я.: Ну, знакомство с Артемием Владимировичем состоялось буквально в первые дни моего пребывания на факультете, потому что в обязательную программу первого курса — и тогда уже — входил курс основ археологии, который читал нам, первокурсникам, Артемий Владимирович. Его лекция была не первой, первую лекцию, насколько мне помнится, читал Михаил Николаевич Тихомиров у нас на курсе, но буквально в тот же или, может быть, на следующий день была и первая лекция по основам археологии. Вот тогда впервые мы его увидели и впервые оценили его своеобразную манеру, которая очень живо его всю жизнь потом характеризовала, ну, и до этого, естественно, не только потом.

Студент Валентин Янин. 1947. Источник фото <http://chudinov.ru>

Особенности речи Арциховского и спасение пальмы, пережившей нашествие Наполеона

Нужно сказать, что Артемий Владимирович человек был чрезвычайно яркий. Вот это главное в нем. Незаурядность такая, которая проявлялась с первых же слов, когда он начинал говорить, и даже до того, как он начинал говорить. Один вид его уже свидетельствовал о том, что это человек необычный. Значит, несколько особенностей у него было, о которых обязательно нужно сказать. Первая — это вот такая, может быть, она и не главная, конечно, но она многое, на мой взгляд, определила в нем: он имел небольшой речевой недостаток. Он не мог выговаривать буквы «к» и «г», вместо них он говорил «т» и «д». И вот это стремление быть понятным привело к тому, что он, во-первых, был очень лапидарен, во-вторых, он стремился очень четко произносить все, что он говорил. И от этого в его речи постоянно присутствовала некая афористичность, что ли. Он всегда был очень краток, и ему был присущ очень своеобразный юмор. Как раз странный этот юмор проявлялся именно в этой афористичности.

Вот могу привести один такой очень живой пример. Как-то был ученый совет у Ивана Георгиевича Петровского, большой университетский совет. Это было как раз тогда, когда задумывали строить новое общежитие студенческое. Вот до того была только Стромынка, она была переполнена. Здесь задумано было строить новое общежитие, которое вот сейчас существует, уже давно. Получилось так, что требовалось, естественно, очень много денег на это строительство. Все деньги, которые имели отношение к капитальному строительству в университете, подбирались и не расходовались, экономились для вот этого нового строительства. А тут на ученом совете биологи выступили с таким заявлением, что у них в оранжерее растет пальма, посаженная в 1806 году. Как в известном рассказе Гаршина, эта пальма доросла до потолка оранжереи, стала упираться в потолок, что-то с ней надо делать. Они убрали из-под нее землю, опускали со всей корневой системой эту пальму вниз, дошли до водоносных слоев. Дальше уже опускать нельзя, а она все растет и в потолок упирается. Что делать? Несколько предложений. Одно предложение — надстраивать оранжерею. Его прямо с порога все готовы отвергнуть, потому что это расход денег, это довольно большие деньги, а нужны они для общежития. Второе предложение — отправить ее в оранжерею Академии наук: там попросторнее. Третье — отдать в Ленинградский университет, где тоже более просторная оранжерея. Вот выступает один член совета, другой, третий, десятый, и все говорят, что нужны деньги для общежития, нужно обязательно пальму отдавать. Последним выступает Арциховский. Он произносит только две фразы: «Эта пальма пережила нашествие Наполеона. Уверен, что она переживет и сегодняшний ученый совет». И единогласно проголосовали, значит, оставить пальму — надстраивать оранжерею. Это у него, видите, так вот проявлялось, понимаете, в такой краткости и в очень остроумном подходе, неожиданном подходе к делу.

О феноменальной памяти Арциховского

Конечно, из этого случая, который я рассказал, нельзя извлечь того, что я сейчас дальше скажу, но многое в нем основывалось на том, что он обладал невероятной памятью. Обычно такую память называют лошадиной, в данном случае этого не скажешь. У него была память на все, что он когда-то прочитал. Ну, наверно, многие из нас способны назвать, скажем, в хронологическом порядке имена всех президентов американских, это уж не такая сложная задача, или премьер-министров Франции. Ну вот. В детстве Артемий Владимирович читал газеты, когда ему было лет восемь – девять. Ну, такие как «Биржевые ведомости» или санкт-петербургские различного рода газеты. И с тех пор он до конца жизни помнил имена, отчества и фамилии всех членов Государственной думы всех четырех созывов, кто по какой курии, кто откуда избран, откуда происходит. У него все это застревало в голове, и он знал невероятно много.

В. Д.: Это несчастье.

В. Я.: Это несчастье. Об этом я тоже немножко дальше скажу. Но до поры до времени это оборачивалось иногда и счастьем для людей. Когда после войны возвращались фронтовики, которые отучились до войны два или три курса, а потом перерыв был, и они приходили продолжать образование, то возникали трудности с их новым оформлением, потому что утрачены были частично архивы университетские. Артемий Владимирович наизусть помнил отметки студентов, которые сдавали ему экзамены, и восстановление матрикула шло, так сказать, вот по такому воспоминанию. Причем у него была плохая память на лица. К нему приходил фронтовик восстанавливаться, он смотрел на него, не узнавая. Тот называл свою фамилию. Тогда со стороны Арциховского вслед за фамилией шло имя-отчество, год рождения этого студента, «вы мне сдавали, отвечали на билеты по таким-то таким-то вопросам, вот я вам ставил такие-то отметки». Вот такие невероятные вещи у него бывали.

Я думаю, что, с одной стороны, конечно, это достоинство, память, а с другой стороны, это очень большой дефект и очень большая трудность. Не знаю, удобно ли об этом говорить, думаю, что ничего тут неудобного нет. На каком-то этапе он перестал впитывать новое. Видно, все, так сказать, полочки были заполнены в памяти, и он с трудом воспринимал новое. И это обернулось тем, что, к сожалению, никто так и не дождался от него вот того обобщающего труда по истории археологии Новгорода, которого от него ждали на протяжении нескольких десятков лет. Он уже не смог его сделать, насколько я понимаю, не потому, что ему трудно было, почему-либо физически трудно в последние годы жизни это делать, а потому, что громадный объем материала, который накопился в последние годы, и новые идеи, которых много появилось в связи с обработкой этого материала, уже не могли восприниматься им так, как воспринимались в молодые годы. С какого-то момента уже чувствовалось, что он готов воспроизводить в памяти то, что он давно узнал, и то, что навсегда у него в голове отпечаталось. Какую-то новую информацию он уже через неделю мог воспринимать, как будто он никогда ее не слышал и впервые об этом узнает. Вот так вот. Но это, конечно, очень важная черта его была — вот эта изумительная память его.

Отношения Арциховского с учениками

Теперь дальше что о нем должен сказать. Вот такая важная особенность, которая связана опять же с его памятью. Очень

часто говорят о том, что Арциховский создал школу. Действительно, у него много учеников, и эти ученики добились больших успехов каждый в своем деле, но вот если мы с вами посмотрим на этих учеников... Мы все дружны между собой, и все очень хорошо, так сказать, в контакте работаем, но если посмотреть на каждого из нас в отдельности, а потом на всех вместе, никому не придет в голову, по-видимому, что мы ученики одного человека, потому что настолько мы разные. Каждый занимается часто несоприкасающимися сюжетами, и разные направления у нас, и во многом мы друг с другом не согласны. Поэтому вот того, что обычно понимается под научной школой, в нас, по-видимому, при всем желании обнаружить не удастся. Тем не менее нас всех связывает одинаковое отношение к Арциховскому и вот то, что мы от него получили.

Значит, что мы от него получали. Что касается науки, то Артемий Владимирович давал не так уж много. Кроме того, что мы слышали от него в курсах лекций, кроме тех советов, которые получали — минимального количества советов, — когда он читал наши рукописи, мы от него дополнительных больших научных сведений не получали. В этом, по-видимому, не повинно даже, а это его, так сказать, идея была: он никогда не сковывал инициативу своих учеников. Он никогда не навязывал им своих мнений.

” Он стремился к тому, что любая мысль — интересная, естественно, мысль и обоснованная мысль, — которая высказана кем-то из его учеников, нуждается в самостоятельном заботливом развитии без жесткого вмешательства со стороны учителя. И это было чрезвычайно важно.

Но что мы от него получали и почему мы к нему очень стремились все. Вот оттого, что он обладал громадной памятью. Будучи человеком в невероятной степени начитанным и человеком очень широкой культуры, он после пятиминутного разговора, касающегося науки... Обычно дома у него эти разговоры были. Он очень любил принимать своих учеников у себя дома. Разговор переходил на общекультурные сюжеты.

В. Д.: Ага.

В. Я.: Это были писатели, это были художники. У него великолепное собрание было репродукций и вообще художественной литературы. Это были архитекторы, это градостроители. И разговор по всем этим сюжетам иногда начинался часов в семь и кончался далеко за полночь, потому что это было настолько интересно. И так много мы получали от него для расширения собственного кругозора, для того, чтобы увидеть то, чем мы занимаемся. Прежде всего даже вот это: увидеть то, чем мы занимаемся, в кругу всех этих высоких общекультурных явлений. Все, кроме музыки, потому что слуха у него не было никакого. Как он сам говорил, он «Чижики» от «Интернационала» отличить не может, настолько ему слон наступил на ухо. Так что музыкальные сюжеты в стороне оставались. Все остальное было сферой разговора.

Студенты исторического факультета МГУ, участники археологической экспедиции во главе с Артемием Владимировичем Арциховским на фоне церкви Спаса на Нередице. Из собрания МГОМЗ

Новгородская археологическая экспедиция и находка берестяных грамот

Ну, это я все больше характеристиками занимаюсь, давайте насчет воспоминаний. Мне представляется, вот от меня самое главное, что можно было бы услышать, — это воспоминание, как бы сказать, о его звездном часе. Цвейг в свое время назвал звездными часами человечества то, что с замечательными людьми случалось на вершине их жизни. Вершина жизни у каждого своя была. Значит, для Артемия Владимировича вершиной жизни, конечно, было открытие берестяных грамот. И тут вот о чем нужно сказать. Ведь обычно, когда говорят об открытиях археологов, то подразумевают часто слепую удачу. Ну, человек копает из года в год, потом наконец вдруг ему счастье приваливает, он нападает на какую-то золотую жилу или обнаруживает какую-то невероятную находку. На самом деле это не совсем так.

Я приведу в пример человека, археолога, которого Арциховский ненавидел просто со страшной силой, но сходство некоторое тут будет. Он очень не любил Шлимана, считал его шарлатаном от науки, дилетантом и человеком, который очень много навредил. Но ведь мы очень хорошо знаем из биографии Шлимана, что к открытию Трои он шел всю жизнь, с детства, зная наизусть «Илиаду» и «Одиссею», зная хорошо и интересуясь глубоко древностями этими, поставив перед собой вот эту жизненную цель найти Трою. И он ее нашел. Так что здесь не слепая удача, не случай невероятного везения, а здесь результат вот такого осуществления давно задуманной программы, которую Шлиман пытался всю жизнь осуществлять. Вот нечто подобное было у Артемия Владимировича.

Ну, что я могу вспомнить. 47-й год. Первый раз я в Новгороде. До находки берестяных грамот еще четыре года остается. Никто в них всерьез не верит, кроме Арциховского, потому что Арциховский очень хорошо знает текст Иосифа Волоцкого о том, что в обители святого Сергия Радонежского, значит, в Радонеже, в Троице, так они бедно жили и так не стремились к стяжанию, к обогащению, эти монахи, что даже не только хартии, не только акты, но и книги они писали на бересте, а не на пергамене. Вот так рассказывается в житии Иосифа Волоцкого.

Зная хорошо текст, что в Древней Руси для письма употреблялась береста, Арциховский нам в 47-м году (я это очень хорошо помню) с первого дня внушал одну самую главную, так сказать, центральную мысль нашего существования на раскопе: рассматривайте все обрывки бересты, все берестяные ленты, все берестяные кусочки. Это все нужно тщательно просматривать, потому что на них могут быть надписи.

И вот мы всё лето 47-го года, понимаете, крутим эту бересту, и ничего на ней нет, выбрасываем. 48-й — продолжается то же самое. 49-й — 50-й был перерыв. В 51-м году, когда возобновились раскопки в Новгороде, снова у нас жизнь началась с того и рабочий день начинался с того, что любой клочок бересты мы смотрели. Вот наконец 26 июля 1951 года была найдена первая берестяная грамота. Я потом расскажу немножко дальше, как это все случилось, как это выглядело, а сейчас вот о чем, тоже в двух словах. Вот сейчас, когда эти грамоты найдены... А ведь к 51-му году прошло несколько сезонов раскопок в Новгороде, и никаких берестяных грамот не было, их не находили. Сейчас многие склонны думать, что до 51-го года невнимательно смотрели, что тот же Арциховский в раскопках своих предшествующих напропускал этих берестяных грамот десятки, не обращая на них внимания. Нет, это не так.

Начало Неревского раскопа. Снимок сделан в 1951 году за 2 недели до открытия берестяных грамот

Во-первых, я уже рассказывал вам, как тщательно мы следили за возможной находкой. Во-вторых, мы сейчас очень хорошо знаем, имея опыт открытия берестяных грамот... Их ведь уже сейчас почти шестьсот в Новгороде найдено, каждый год по десять, по двадцать новых грамот мы находим. Мы очень хорошо знаем, что бывают разные районы по насыщенности. Бывают районы, в которых грамоты сохраняются хорошо. Бывают районы, где они сохраняются плохо. Бывают районы очень грамотные. Бывают районы малограмотные. Все зависело, по-видимому, от культурного уровня самих обитателей этих районов, этих усадеб, от их интеллектуального уровня, много там у них грамот или мало. Если что-то и пропущено было в довоенные годы или в 47-м, 48-м году, то это какие-то единичные обрывки, которые и сейчас мы, может быть, тоже пропускаем иногда, как и это было раньше.

Дело не в этом. Вот почему, кроме Арциховского, не очень мы сами верили? То есть мы не могли даже представить себе, что дело повернется так, что сейчас у нас шестьсот грамот в руках будет. Потому что полагали, что все это письмо на бересте было чернильным, то есть как на бумаге или на пергамене писали чернилами. Поскольку главным условием сохранения бересты в Новгороде и в других городах оказывается влажность слоя, то та же влажность слоя, сохраняя бересту, должна была смывать все, что на ней было написано. Вот в 51-м году оказалось, что никакие чернила не употреблялись при написании грамот, что буквы процарапывались, выдавливались, вернее, вот этим стилосом, писалом, как его по-древнерусски называли. Мы потом десятки этих инструментов нашли. Следовательно, они великолепно сохраняют не только сами себя, но свои тексты в условиях именно влажности повышенной.

Ну, вот как произошло это открытие. Значит, было два раскопа у нас. Вернее, участок, который мы копали, был разделен на две половины. Одной руководила Гайда Андреевна Авдусина. Это жена Даниила Антоновича, с которым вы встречаться будете. Другим, значит, — я. Первая грамота была найдена на той половине, которой Гайда Андреевна руководила. Работница местная, кстати замечу, неграмотная (почему неграмотная, я расскажу, хотя она и молодая), она хоть неграмотная, но благородно у нее это было. Вот она, вынув кусок бересты из земли и обтерев его рукою, увидела буквы и позвала Гайдю Андреевну. Гайда Андреевна взяла у нее в руки эту бересту (тут уже реакция более сильная) и стала звать Артемия Владимировича. А у Артемия Владимировича движения были такие порывистые, он не очень уклюжий, что ли, был. И она ему издала показывает грамоту, боясь дать в руки, а то он возьмет да еще и сломает, порвется она у него в руках. Я сейчас расскажу один эпизодик хороший в этой связи. Ну вот. Показывает ему. Он вгляделся в нее, значит, вот так вот палец как-то поднял в воздух, стоит с этим пальцем, молчит, потом говорит: «Я этой находки ждал двадцать лет». Потом еще немножко помолчал и на весь раскоп как заорет: «Премия сто рублей!» Вот с этого все началось. А сейчас их почти шестьсот, пятьсот восемьдесят девятая была в этом году, этим летом зафиксирована.

Берестяная грамота №1. Источник фото <http://gramoty.ru>

Насчет порывистых жестов. Тут через магнитофон этого не покажешь, но отвлечь вас немножко еще одним воспоминанием. Студент сдает ему экзамен. Арциховский спрашивает: «Какое самое маленькое домашнее животное разводили славяне?» Студент думал-думал и говорит: «Кошка». «Нет, не тошка, — говорит Арциховский, — еще меньше». Студент подумал и говорит: «Курица». — «Нет, не турица. Думайте». Думал-думал студент и говорит: «Хорек». — «Нет, хорек — это дикий зверь, на которого славяне охотились». Помолчали немножко. Арциховский: «Ну как же вы не знаете! Вот татое, вот татое животное, вот такое маленькое». Ну, студент не знает. «Пчела!» Вот у него жесты были такие порывистые.

Значит, это открытие берестяных грамот вот так выглядело. И должен сказать, что когда эта грамота была найдена... Я не могу сказать, что вот мы, молодые, тогда оценили эту находку как начало целой эпохи в дальнейшем исследовании. «Ну, хорошо, — думали, — значит, с 32-го года раскопки ведутся, ну, война была, перерыв, но во всяком случае шесть или семь сезонов прошло — не находили. Вот сейчас нашли, еще семь сезонов пройдет — вторую найдем». Но находки последовали сразу: на следующий день еще одна грамота, потом еще две. В первый сезон их было найдено десять. В следующий сезон их было найдено семьдесят три грамоты — в 52-м году. Тогда сильно расширили раскопки, и за находки грамот деньги очень большие Академия наук выделяла.

Потом дальше из года в год число их пополнялось, и сейчас мы уже имеем право говорить о том, что открыт невероятной силы и потенциции источник наших будущих знаний по средневековой Руси. Мы даже сейчас смогли прикинуть, сколько же их в почве находится, этих берестяных грамот, в новгородской почве. Принимая во внимание среднюю насыщенность культурного слоя берестяными грамотами, общую площадь тех участков, которые вскрыты, и общую площадь тех участков, где распространяется культурный слой таких характеристик, при которых эти грамоты находятся, мы определяем число документов, не найденных еще, примерно в двадцать тысяч. И вот что после этого все, понимаете, разговоры журналистов о библиотеке Ивана Грозного, которая неизвестно где и которую очень надо найти. Под ногами лежит архив в двадцать тысяч документов, а журналистов почему-то это не так волнует, как возможность найти эту эфемерную и не очень достоверную библиотеку Ивана Грозного.

По-видимому, если говорить о том главном, что, на мой взгляд, сделано Артемием Владимировичем в науке, это то, что он положил начало очень многим перспективным направлениям, которые сейчас составили существо программы археологического исследования. Причем мы сейчас пожинаем плоды этих начинаний, довоенных еще, часто не отдавая себе отчета в том, как они впервые возникали. Я начну, может быть, не с самого существенного в его деятельности, как он представлял, хотя он стоял у основы всего этого, но очень существенного для нас сегодня.

Охранная задача археологии

Одна из главных задач археологии в наши дни — это охранная. Значит, что под этим понимается. Раньше организация любых раскопок шла по такому пути. Мы приезжали, скажем, в тот же Новгород, тот же Артемий Владимирович приезжал в Новгород, и первым делом мы выясняли у местных властей: «Укажите нам такой район, в котором вы в ближайшие годы или лет десять не предполагаете вести никаких работ. Мы туда залезем, будем вести свои раскопки так, чтобы мы вам не мешали и вы нам не мешали. Вот это пусть условие игры будет». Вот так эти работы и развивались. Сейчас у нас нечто другое в основе лежит. Сейчас, когда мы приезжаем в тот же Новгород, первый вопрос, который задается городским властям: «Скажите, где вы в ближайшие годы намереваетесь что-либо строить?» И именно на этот участок мы идем, основываясь на своем праве, на законе об охране памятников, и ведем предваряющие раскопки, потому что если до нас раскопают этот участок бульдозерами или экскаваторами и начнут строить дом, то наука уже лишится того важного источника, который будет уничтожен в ходе этого строительства. Сейчас этого допустить мы не можем.

Если восходить к истокам, то первые такие работы охранного характера у нас в стране были проведены именно Арциховским. Я имею в виду работы на первой очереди Московского метрополитена. Он возглавлял бригаду историков-археологов на этом строительстве и был даже после того, как был пущен первый поезд на первой линии, удостоен знака «Почетный метрополитеновец». Так что его вклад был наравне оценен с вкладом самих строителей метрополитена. Это начало таких вот охранных работ в нашей стране.

О естественно-научных методах в археологии

Теперь что касается других начинаний. Сейчас, скажем так, первая обязанность археолога — это исследование найденных им предметов с помощью естественно-научных методов. У нас очень широко внедрена и спектроскопия, и рентгенометод, и С14 (определение дат по распаду радиоактивных изотопов элементов), и масса других естественно-научных методов. И вот первая работа, которая появилась в области применения к археологии естественно-научных методов, — это работа Арциховского, опубликованная в конце 20-х годов, о серпах. Он впервые приложил к исследованию древнерусских серпов математические формулы. Он выяснял кривизну этих серпов с помощью формул высшей математики. Применяя к ним эти формулы, сумел определить типические различия между серпами, которые, во-первых, функционально имели разное назначение, во-вторых, принадлежали к разным территориям, к разным этносам, взаимно исключая друг друга. Это первый метод применения математического анализа в археологии.

В.Д.: И к разным эпохам — или нет?

В.Я.: Он одной эпохой занимался, в общем-то, Средневековьем. Он занимался и другими, но это как преподаватель уже, как педагог. Он подготовил учебник по археологии, в котором объединены древности всего мира, но как узкий специалист он занимался Средневековьем. Вот эти серпы он изучал по средневековым материалам. Дальше, значит, вот среди его учеников — Борис Александрович Колчин, с которым вы будете беседовать. Это человек, которому мы обязаны внедрением в нашу науку нескольких методов. Во-первых, метода дендрохронологии, то есть датирования с точностью до одного года по анализу годичных спилков бревен древних. Мы с помощью этого метода сейчас можем датировать любую постройку, открытую в раскопе, любую мостовую, любую улицу с точностью до одного года. Ему же принадлежит заслуга внедрения в нашу науку методов исследования металла с помощью спектроскопии, изучение макро- и микроструктур древних вещей. Это начинание было положено Артемием Владимировичем Арциховским, который рекомендовал Колчину эту тему, который много очень настаивал на том, чтобы эта тема внедрялась, и который в университете у нас сделал очень многое, для того чтобы организовать специальные лаборатории при нашей кафедре, для того чтобы эти методы могли получать выход большой. Вот еще одно начинание, принадлежащее ему.

А. В. Арциховский, Б. А. Колчин и В. Л. Янин у восстановленной в 1952 г. церкви Иоанна Богослова на Витке. Новгород, 1950-е гг.

О раскопках широкой площадью

Теперь дальше. До того, как он начал работы в Новгороде... А эти работы начались в 32-м году, и они продолжают и сейчас. В 82-м году, значит, будущем, будет пятьдесят лет работ нашей Новгородской экспедиции. Ни одна экспедиция в мире такую длительность не имеет и таких успехов, как у нас, и столько не сделала, как экспедиция, им основанная. Так вот, он начал в Новгороде работы широкой площадью. До него копали шурфиками. Открывали небольшие участки, и в этих участках что оказывалось: угол какого-то дома, кусок какой-то вымостки (неизвестно, уличной или дворовой), какой-нибудь постройки кусочек. Как все это связать, соединить в одно целое — это уму непостижимо. Поэтому невольно анализ открытых материалов шел по линии вещеведческой, то есть по изучению тех предметов, которые обнаружены и которые потом в музее уходили. Очень много занимались типологией вещей (вот как бусы эволюционировали, как развивались инструменты от века к веку), но меньше всего получали синтезирующие материалы по реконструкции самого комплекса, откуда такие вещи происходили.

Работы в Новгороде были начаты именно раскопками очень широкой площадью. Тогда впервые стали говорить уже о целом доме, который исследован в Новгороде, а потом, начиная с 51-го года, и о целой усадьбе, а дальше, между 51-м и 62-м годом, в обиход археолога прочно вошло понятие «квартал городской», то есть комплекс нескольких усадеб. С тех пор мы уже листаем вот эти страницы книги стратиграфической нашей, видя на каждой из этих страниц целые усадьбы, целые кварталы, наблюдая в динамике, так сказать, все это явление, и видя, как какая-нибудь усадьба, будучи основана в середине X века, на протяжении следующих пяти веков от века к веку развивалась, что в ней совершенствовалось, как изменялась планировка, как изменялись дома и их архитектура, и как изменялся, следовательно, социальный состав населения, которое владело этими усадьбами. Вот этот метод раскопок широкими площадями ничем уже теперь не заменим, возврата к прошлому нет. Никаких теперь шурфиков уже заводить невозможно. Даже инструкция, которой руководствуется теперь археолог, получая открытый лист и получая право раскопок, требует от такого археолога абсолютного запрета вот этого метода раскопок малой площадью. Это вошло уже, так сказать, в азбуку нашей работы, эти раскопки широкой площадью.

Теперь дальше. Сейчас мы говорим о раскопках в плане. Если мы будем говорить о раскопках в профиль, то есть по вертикали, то здесь тоже Артемию Владимировичу принадлежит первое и новое слово, очень важное, — это стратиграфическое членение культурного слоя на горизонты, на ярусы. Он их называл строительными ярусами. Сначала эти ярусы были очень широкими. Целый век, скажем, включал такой ярус. Сейчас мы научились с помощью дендрохронологии членить по вертикали культурные напластования с точностью до пятнадцати, до двадцати лет. Сейчас мы оперируем уже вот этим узким понятием. Ярус — это комплекс одновременных построек, которые существовали на протяжении, скажем, десяти, пятнадцати, двадцати лет. То есть мы сейчас стали очень точными в своих работах благодаря тому, что последовательно, настойчиво Артемий Владимирович внедрял те идеи, с которыми он начинал работу в Новгороде. Вот это, по-видимому, очень важная часть того вклада, который ему принадлежит.

Неревский раскоп. Новгород, 1957. Фото С. А. Орлова

Учебники Арциховского по археологии

И еще одно. Кроме того, что им была организована экспедиция вот эта большая новгородская, и у него прошли практику десятки, может быть, сотни даже археологов, получавших свое первоначальное полевое образование на этих раскопках, он был и замечательным педагогом. Ему принадлежит учебник по археологии, в котором впервые в мировой практике преподавания археологического были объединены древности всего мира, всех материков, скажем так, всего Старого Света. Обзор этих древностей был сделан на всем протяжении существования материальной культуры, то есть от возникновения человека и до конца XVII века. С конца XVII века на первое место решительно выходят письменные источники, археология тут уже мало пользы приносит, но до конца XVII века вот такой обзор им был сделан. И по этой книжке мы учились долго, до середины 50-х годов, когда новые требования программ и разросшийся материал заставили того же Арциховского создать новый учебник «Археология СССР», в котором уже не было ни зарубежных стран, ни далеких этих связей, а был анализ материала, найденного на нашей территории, и анализ археологических культур, которые связаны были с развитием нашей страны. Но это только в силу обилия материала: сейчас уже невозможно в университетском курсе, в общем курсе, который ведь читается не только специализирующимся студентам, но всем, и даже в пединститутах введен обязательный курс основ археологии, — уже невозможно, понимаете, давать информацию в таком широком масштабе, в масштабе всего земного шара.

В. Д.: Но ведь Старого Света, вы говорите.

В. Я.: Старого, Старого Света, да.

В. Д.: Не земного шара.

В. Я.: Ну, не земного шара, Старого Света, конечно, потому что у него там не было Америки, то есть майя и инков у него не было в этом учебнике, Китай очень поверхностно был дан, Африки тоже не было. Значит, был Старый Свет.

В. Д.: А какая-то археология велась? Ведь Африку-то кто-нибудь изучал?

В. Я.: Африку изучают сейчас очень много и основательно. Конечно, изучают ее прежде всего зарубежные исследователи. Наши экспедиции там не работают. Мы, так сказать, переосмысливаем в духе своей концепции те материалы, которые там обнаруживаются и которые публикуются. Наши экспедиции там нет, но в Африке сейчас ведутся очень большие работы, и открытия ведь громадные. Первобытный человек — это углубление истории человечества на миллион лет. Африканские находки это дали.

Экскурсии Арциховского по Новгороду и окрестностям

Ну вот. Вот то, что мне хотелось сказать об Артемии Владимировиче. <...> Я сейчас говорил о тех начинаниях, которые продолжаются и которые укрепляются очень. Вот еще одно, может быть, оно третьестепенное или какое-то десятистепенное, — это вот, значит, какое. Артемий Владимирович очень любил во время экспедиции, — ну, Новгород я имею в виду, — показывать нам Новгород. То есть мы в субботние, воскресные дни, когда были свободны, обычно с ним совершали дальние прогулки — сначала по самому городу, а потом в Юрьев монастырь, в Антонов монастырь, в сторону Ильмена. Там есть масса великолепных памятников, которые мы обязаны знать и которыми мы гордимся. Он очень любил показывать эти памятники. И мы от него все усвоили эту потребность делиться своими знаниями и ввели ее даже в какой-то

непреложный закон, потому что сейчас, когда Артемия Владимировича нет, да и в те годы, когда он уже активно не мог работать в Новгороде, вот это все продолжалось. Мы все время, значит, и я в том числе, водим студентов по городу, демонстрируем им эти памятники и рассказываем об истории Новгорода. Вот эта традиция продолжается.

А. В. Арциховский в центре, В. Л. Янин в первом ряду второй слева. Новгород, 1940-е. Источник фото <http://www.ras.ru>

Но я в связи с этим о другом хотел сказать. Опять же в силу афористичности его мышления иногда какой-то одной фразой он умел создавать атмосферу нашего присутствия вот там, в древности. Ну, скажем, идем мы с ним в Перынь. Это древнее святилище Перуна, за Юрьевым монастырем, километров шесть от Новгорода. Значит, идем по берегу Волхова, к истоку Волхова, к Ильмену, и вдруг Артемий Владимирович говорит: «Вот этой дорогой Садко ходил играть морскому царю на своих гусях». Ну, что ж тут скажешь. Действительно, другой дороги нет. Именно здесь, вот по этому песку, по этим отмелям. Наверно, и не было этого Садко, но тем не менее мы вдруг увидели: вот он идет тоже по этому песку. Вот это, конечно, очень ярко воздействовало на воображение. И такие вещи повторялись неоднократно, в разных неожиданных вдруг ракурсах неожиданные фразы, которые на всю жизнь запоминались. Ну, что еще...

В. Д.: Так что художественный момент в его экскурсоводстве был?

В. Я.: Да, обязательно. Он присутствовал, и мы пытались его уловить всегда, и пытаемся и сами, понимаете, искать вот такие художественные образы впечатляющие, для того чтобы запоминалось это лучше, чтобы оставалось на всю жизнь впечатление от такой экскурсии.

А. В. Арциховский на экскурсии. 1939 г.

«Пятницы» Арциховского

Значит, что он еще в Новгороде ввел, и мы это продолжаем охотно после него, — это «пятницы». То есть каждую пятницу во время раскопок он собирал по вечерам участников экспедиции. Конечно, прибегали все интересующиеся из города: и музейные работники, и учителя, и краеведы, и любители истории. Он рассказывал, что за неделю найдено, что вот эти новые находки по первому впечатлению, еще не до конца обдуманному, дают нового для нашего понимания прошлого. Эту традицию мы тоже продолжаем неукоснительно. То есть каждый год каждую пятницу. Ну, иногда не набирается материала, поэтому пропускаем, но эта традиция у нас поддерживается и живет до сих пор. Естественно, всякий раз мы вспоминаем того, кто начал ее. Вот мне трудно сейчас, понимаете, эпизоды какие-то вспомнить, потому что настолько это уже вошло, так сказать, в наш быт просто.

В. Д.: Раскопают.

В. Я.: Вот сами воспоминания...

В. Д.: В раскопках XXII века раскопают.

А. В. Арциховский проводит «пятницу» с показом новых находок. Новгород, 1950-е гг.

О библиотеке Арциховского

В. Я.: Вот. Сейчас еще одно очень, конечно, нам полезное: после смерти его семья Артемия Владимировича передала нам...

В. Д.: Год смерти.

В. Я.: 78-й. Три года назад. Передала нам научную часть его библиотеки. Значит, мы не имели возможности из-за нашей тесноты развернуть ее на кафедре и перевезли в Новгород. У нас база в Новгороде выстроена по инициативе Ивана Георгиевича Петровского. Библиотека Арциховского хранится на этой базе и не просто хранится, но остается рабочей библиотекой, потому что все время эти книги нам летом оказывают помощь при анализе новых находок, при исследованиях, которые все мы там ведем, каждый свое. Так что вот тоже память о нем такая действенная. Не просто воспоминания, а обращение к его книгам всякий раз, понимаете ли, волнует нас очень и, наверно, помогает думать. Ну вот. Я не знаю, что еще.

Археологи П. И. Засурцев, В. Л. Янин и Е. А. Рыбина во дворе базы Новгородской археологической экспедиции. 1971 г. Из собрания НГОМЗ

Литературные вкусы Арциховского

В. Д.: Ну, разрешите тогда, раз вы умолкаете, вас немножко спрашивать.

В. Я.: Пожалуйста.

В. Д.: Просто расскажите что-нибудь не из области археологии, а из области Арциховский как...

В. Я.: Как человек.

В. Д.: Как человек и, конечно, его литературные вкусы, ну, значит, музыку, вы...

В. Я.: Да, хорошо, давайте насчет литературных вкусов. Значит, у него были свои кумиры. Насколько я представляю себе, больше всего он любил в литературе Флобера. Я сейчас говорю о мировой литературе. Последние годы жизни при его памяти, которая еще у него была, он целые страницы наизусть из Флобера запоминал и воспроизводил их. Очень любил Шоу. Помню, что он был очень обрадован, когда во время поездки в Англию ему удалось купить там однотомник такой компактный, понимаете, мелкой печатью все, так сказать, пьесы Шоу в одном томе. Очень этим изданием гордился. Из наших писателей любил очень переписку Чехова, именно переписку, любил читать письма его. Достоевский, конечно, был в кругу любимых им авторов, ну, и Пушкин. Пушкин-то у всех.

Любовь Арциховского к путешествиям

Теперь, значит, что касается его вот таких... Обычно ведь у человека бывает хобби какое-то. У него хобби было неотделимо от его научных исследований. Для него хобби были впечатления от посещения для него новых древних городов, поэтому он очень тщательно коллекционировал впечатления от тех городов, где он побывал. Это и у нас, и за рубежом. Он всегда мог в алфавитном порядке воспроизвести вот эти сотни буквально городов, в которых он изучал древности, — или вот те, которые стоят на поверхности земли (значит, древние храмы и древние здания), или работал в музеях.

Мне, когда исполнилось Артемию Владимировичу шестьдесят лет, довелось в «Вестнике МГУ» в статье, посвященной этому юбилею, воспроизвести список тех городов, в которых он побывал. И он очень радовался тому, что этот список воспроизведен, что это не осталось только у него в уме.

В. Д.: Это в стенной газете или в печатной?

В. Я.: Нет-нет, в «Вестнике МГУ», в журнале. А потом маленькой книжечкой мы сделали его библиографию. Там уже более расширенно этот список воспроизведен был.

В. Д.: И там предисловие ваше?

В. Я.: Там мое предисловие, да. Теперь, значит, что же дальше. Он очень любил путешествовать, и я несколько раз был его попутчиком в этих его поездках. Я с ним вместе был, во-первых, в Прибалтике. Впервые он там был. В 54-м году это путешествие состоялось. Мы с ним были в Риге и в Таллине. Любознательность его постоянная, так сказать, ему там была присуща. В то же время он вот эту свою любознательность соединял и с некоторой практической пользой. Он вот тогда начинал жаловаться на вес излишний. Когда мы там в Таллине все осмотрели подробно по несколько раз, оставался еще день. Значит, повел он меня на прогулку, и мы с ним ходили по этим двум ногам-то (вот Короткая нога и Длинная нога — спуски с Вышгорода), сделали, по-моему, десять кругов вверх и вниз, и он с удовлетворением сказал: «Какая изнуряющая прогулка» (*смеется*).

Потом, значит, были мы с ним вместе в Вологде — Кириллов и Ферапонтов монастырь. И ему, значит, как удар был, конечно, вот впечатление от Дионисиевых фресок. И потом я с ним ездил на свою собственную родину в Вятку, в город Киров. Вот там была незабываемая такая неделя впечатлений, волнения. Вятка, Слободской — вот эти вот места.

Слева направо: М. Н. Кислов, В. Л. Янин и А. В. Арциховский на катере во время прогулки по Волхову. 1952–1953 гг. Из собрания НГОМЗ

Ну, я уж не говорю о Новгороде, в который он в последние годы жизни, уже отойдя от руководства экспедицией, очень любил ездить каждый год, для того чтобы посмотреть новые реставрации. Там каждый год появлялось что-нибудь новое: заканчивали один храм, приступали к восстановлению другого. А ведь восстановление новгородских церквей — это открытие заново того, что было в древности, потому что они на протяжении веков обстроены были, переделаны их верха, заменены, скажем, шлемы на барочные колпачки и так далее. Вот они сбрасывали с себя, храмы эти, эту шелуху более позднюю и представляли в том виде, в каком они возникали в XII веке или в XIV, когда их строили. И это для него было сильнейшим жизненным впечатлением — вот эта встреча с новым, вновь открытым памятником, который он знал десятки лет в старых одеждах, таких уже не соответствующих. Он очень ценил эти впечатления. И помню, что в какой-то год он отказался поехать в Новгород, потому что за этот год ничего там нового сделано не было, и поэтому как будто бы новых впечатлений он получить не может, а старые слишком свежи в памяти, слишком, так сказать, они у него внутри сидят крепко.

В. Д.: Вы говорите о памятниках, но от памятников вы перейдете к живописи, начиная с церковной и вообще.

В. Я.: Да, хорошо. Насчет памятников еще что могу сказать. У него странные, так сказать, иногда были отношения вот, скажем, в древнерусской архитектуре: он до безумия любил Новгород, но не любил Киева. И в Киев он не ездил, потому что ему не нравилась эта архитектура, и он и не хотел туда ехать. Киевляне очень на него обижались и до сих пор обижаются, посмертно уже.

Предпочтения Арциховского в живописи и архитектуре

Теперь что касается живописи. Значит, в живописи у него были... По-видимому, самая большая привязанность у него была — это Фра Анджелико. Он, насколько я представляю, видел и в натуре, когда во Флоренции был, эти фрески в Сан Марко. Кроме того, он собирал специально вот эти альбомы <нрзб> с созданиями Анджелико и считал его величайшим художником всех времен и народов. Из наших художников, насколько я представляю себе, его интересовал Кустодиев, Серов. Мало интересовали передвижники. И очень любил Рокотова.

В. Д.: Значит, XVIII и XX.

В. Я.: Значит, XVIII и XX, да. XIX как-то выпадал. Ну, в XVIII тоже: Левицкого не любил, Рокотова любил, Боровиковского не любил. Рокотов предпочитался всем остальным.

В. Д.: А в связи с архитектурой, ну, русская древняя...

В. Я.: С архитектурой так. У него был вот такой мысленный набор, по-моему, десяток самых выдающихся произведений архитектуры всех времен и народов. Туда, в частности, входил Парфенон, туда входил Нотр-Дам, но в этот список входил и Георгиевский собор Юрьева монастыря, в чем я абсолютно с ним согласен. Полагаю это здание одним из величайших в мировой архитектуре. Так что у него не было такого крена, понимаете ли, к таким вот прописным, что ли, хрестоматийным образцам. Он их активно пополнял, так сказать, за счет собственных вкусов.

В. Д.: Вы упомянули Ферапонтов.

В. Я.: Ну, Ферапонтов — живопись, фрески.

В. Д.: Так я вас спрашиваю как раз о живописи.

В. Я.: Значит, видите ли, какая вещь. Мне немножко трудно об этом говорить. Сейчас скажу, по какой причине. Ведь фреска — это такой вид живописи, к которой так просто, понимаете, не подойдешь. Я сейчас очень люблю фреску и полагаю, что ее понимаю, и сам много сделал для того, чтобы обеспечить работу Грекова по восстановлению фресок Ковалёвских¹. Но когда я был студентом, когда вот активнее всего, так сказать, впитывались эти веяния Арциховского (художественные, общеэстетические), я фрески не понимал. Мне казалась она трудной для восприятия, и я недоумевал: а что же в ней такого, понимаете ли, что люди должны вот так восхищаться ею. Икона как-то проще воздействовала на воображение, а с фреской было все не очень просто. И мое собственное понимание возникло уже тогда, когда я как-то образовался и сам по себе. Ферапонтов мы смотрели вместе с ним. И тут и я, так сказать, и одинаково около этих фресок дышали, но я поэтому ничего не могу сказать о его новгородских, скажем, вкусах: предпочитал ли он, допустим, Рождество на Кладбище² Спасу на Ильине или наоборот. Тут я ничего сказать не могу, потому что у нас как-то разговор не возникал. <...>

¹ Речь идет о восстановлении фресок в церкви Спаса Преображения на Ковалёве

² Церковь Рождества Христова на Красном поле (на Кладбище)

Поэтические вкусы Арциховского

В. Д.: Скажите, пожалуйста, это живопись, архитектура, Флобер вы сказали. А поэзия?

В. Я.: Ну, вы знаете что, до невероятия. Во-первых, он наизусть очень многое знал. Пушкина, я думаю, он всего наизусть знал, то есть буквально всего. Я говорю не об «Онегине», которого многие знают, у кого хорошая память, но он знал все у него. Из других поэтов... Сейчас скажу, дайте подумать немножко, как у него это. Значит, это Пушкин, немного Лермонтов, к Лермонтову у него не было вот такого, понимаете... Значит, дальше: Некрасов — никак, из новых поэтов — Блок. Блок весь у него был, видно, на память.

В. Д.: Блок — перешагивая через ранних декадентов и через?..

В. Я.: Анненский очень почитаем был. Очень любил Гумилева и очень много из него помнил. Скажем, вот такие вещи, как «К синей звезде» — весь сборник наизусть, насколько мне известно, «Шатер» — весь сборник наизусть. Такие поэмы его, как «Гильгамеш», понимаете, вот эти все орнаментальные поэмы — это без всякого внимания у него было. Но как будто бы из всего Гумилева ему больше всего нравилась его византийская драматургия, как эта пьеса называется...

Теперь вот что я забыл сказать насчет прозаиков. Значит, естественно, как историк, как археолог он интересовался историческими жанрами в литературе и считал, что существует только три романа исторических, которые можно было бы поставить на самую высокую вершину, три безупречных романа: это «Саламбо» у Флобера, это «Юлиан Отступник» у Мережковского и это «Алтарь Победы» у Брюсова. Вот так. Маяковский еще. Маяковский у него, так сказать, тоже... Очень хорошо знал Маяковского.

В. Д.: Хорошо знал, да?

В. Я.: Да, знал и любил. Знаете, почему? Я думаю, что больше у него из чисто профессиональной привязанности, оттого что в поэме «Во весь голос» несколько раз археология упоминается. «В курганах книг, похоронивших стих, железки строк случайно обнаруживая, вы с уважением ощупывайте их, как старое, но грозное оружие». Первое. «Не как доходит к нумизмату стершийся пятак».

В. Д.: Да.

В. Я.: Так что там... «Как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима». Так что там целый мир образов у Маяковского таких археологических.

В. Д.: А он раннего знал?

В. Я.: Раннего знал хорошо, и «Облако в штанах», значит, и стихи ранние его. По-моему, «Облако в штанах» у него было из любимых вещей.

В. Д.: Не знаете, он Маяковского слышал?

В. Я.: Слышал, слышал в Политехническом музее, и не один раз. Он много интересных людей в своей жизни видел. Начать с того, что одним из школьных его учителей был Богаевский, который потом в Белом движении этого Каледина, но не Митрофан³, а другой, Лука, что ли. Как его звали? В общем, два брата Богаевских было в войске Донском. И он жил в Новочеркасске в молодые годы, так что там посмотрел на всех этих, на всю эту калединскую директорию Донскую. А потом он уже всю жизнь в Москве прожил, как приехал сюда оттуда. И тут много он и по вечерам ходил поэтическим, поэтому и Маяковского видел.

В. Д.: А современная поэзия хотя бы? Из литературы что-нибудь задевало?

В. Я.: Нет, по-моему, не задевало. Он даже и не подбирал этих книг в библиотеку. Не могу припомнить. К Симонову, по-моему, у него никакого отношения не было, к Твардовскому — по-моему, нет, и я у него не видел книг Твардовского.

В. Д.: Маяковским примерно заканчивал?

В. Я.: Примерно так, да. Я вот не знаю, думаю, что еще Мандельштам. Пастернак, конечно. Пастернак очень почитаем им был.

В. Д.: Мандельштам еще при его жизни был издан ведь все-таки?

В. Я.: Мандельштам, да. Вот насчет Мандельштама ничего сказать не могу. Любил ли он Мандельштама, как-то разговора не возникало. Из Пастернака он много наизусть цитировал, причем какие-то — вот сейчас что вспоминаю — такие не очень ходовые строки. Например, из «Сестра моя — жизнь»:

На тротуарах было скользко,

И ветер воду рвал, как вретище,

И можно было до Подольска

Добраться, никого не встретивши.

Вот такие вещи, понимаете, у него это все на слуху было. А из Мандельштама не помню. Хотя, казалось бы, ему должны нравиться были вот эти вот «В археологическом музее», там такие стихи.

В. Д.: Ну и, так сказать, советского издания Мандельштама он почти не дождался.

В. Я.: Ну, видите ли, все-таки нет, почему же, две книги его...

В. Д.: <Нрзб>.

В. Я.: «Лейтенант Шмидт»... Нет, что я говорю, я про Пастернака говорю.

В. Д.: Да.

В. Я.: Мандельштам — да, думаю, что у него нет в библиотеке ничего. На Пастернака перескочил зачем-то.

В. Д.: Дымшицевский Мандельштам.

В. Я.: Дымшицевский, да. Нет, он вышел еще при жизни Артемия Владимировича, но, по-моему, у него его не было, его трудно достать было. Он за книгами последние годы неохотно, ему трудно было.

В. Д.: Он умер?..

В. Я.: В 78-м, в феврале.

В. Д.: Значит, сколько же ему лет было?

В. Я.: Он родился в 902-м году.

В. Д.: В 78-м умер. Семьдесят шесть лет.

В. Я.: Ему было семьдесят пять, потому что он родился в декабре 902-го, а умер в феврале 78-го. Семьдесят пять. Да, мы только что отметили, в предыдущем декабре, его семидесятипятилетие здесь, на кафедре, заседанием торжественным, а через несколько месяцев его не стало.

В. Д.: Большое вам спасибо.

В. Я.: Спасибо вам большое, мне приятно было.